

Список литературы

1. Благов Ф. Басня о рабкредите // Крокодил. – 1927. – № 43. – С. 6.
2. Воинов В. Лисица и виноград // Пушка. 1926. № 31. С. 1.
3. Гаврило кредитнулся // Гаврило. 1925. № 2. Задняя обложка.
4. Жолкова Б. Значение кредита в бюджете ленинградского рабочего // Кооперативный бюлл. ЛСПО. – 1927. – № 1. – С. 6–7.
5. Инструкция крокорам // Крокодил. – 1925. – № 4. – С. 10.
6. Квас П. Что хотите, то купите // Крокодил. – 1927. – № 35. – С. 5.
7. Кройчик Л. Система журналистских жанров // Основы творческой деятельности журналиста. – СПб., 2000.
8. Павлов В. Необходима подготовка (Инструктивный доклад по рабочему кредиту) // Крокодил. – 1925. – № 31. – С. 3.
9. Полезные объявления // Крокодил. – 1925. – № 16. – С. 8.
10. Ром. Е. Наш паноптикум // Крокодил. – 1925. – № 43. – С. 5.
11. Стыкалин С., Кременская И. Советская сатирическая печать, 1917–1963. – М.: Госполитиздат, 1963.
12. Удобный случай // Гаврило. – 1925. – № 6. – С. 13.
13. Широкий кредит // Бузотер. – 1924. – № 1. – С. 9.
14. Ящик жалоб // Красный ворон. – 1924. – № 9. – С. 8.

T.K. Щеглова

«Рукотворные» кизяки и «нерукотворные» «глызы» (коровьи лепешки) и объедья в системе отопления крестьянского жилища (1930–50 гг.)

В статье рассматривается опосредованное значение скотоводства в экологии крестьянского жилища, замена в трудных условиях 1930–1950-х гг. дровяного отопления отходами скотоводства. Используемые для топки из скотоводческого сырья материалы автор делит на «нерукотворные» (готовые) и «рукотворные» (изготавляемые). В статье описываются традиции собирательства отходов скотоводства, процесс производства из отходов «горючих» и «воспламеняющихся» материалов, участники, приспособления, время заготовки и производства, места и способы хранения. Определяется алгоритм подготовки топлива из отходов скотоводства в весенне-летне-осенний период и его связь с производственным графиком сельхозработ семьи русского сельского населения.

The article reveals the intermediate significance of cattle breeding in the ecological system of peasant household, the replacement of wood heating by leftovers of cattle breeding in hard conditions of the 1930-1950-ths years. Cattle breeding leftovers used for heating are classified by the author into «non-artificial» (ready-made) and «artificial» (hand-made). The article describes traditions of cattle breeding leftovers gathering, the process of manufacturing «combustible» and «inflammable» materials from leftovers, participants of the process, manufacturing facilities, time of gathering and manufacturing, storage places and methods. The author specifies the algorithm of manufacturing fuel from cattle breeding leftovers in spring-summer-autumn period and its connection with the production schedule of agricultural work of Russian rural population.

Ключевые слова: Западная Сибирь, русские, крестьянская семья, трудовые традиции, топливо, скотоводство.

Key words: Western Siberia, Russian population, peasant family, labor traditions, fuel, cattle breeding.

В 1930–50-е гг. источником топлива для обогрева жилища сибирских крестьян служили не только природные ресурсы (древа, хворост, валежник и др.), но и отходы личного подсобного хозяйства, которые шли непосредственно на отопление или на изготовление топлива. В центре этой «отопительной системы» у русского сельского населения Западной Сибири находились коровы и овцы. В отоплении жилища и для приготовления пищи назем коров и овец и объемья от них использовались как в «нерукотворном» виде (глызы, объемья, овечий навоз), т. е. в готовом, так и в «рукотворном» виде (кизяки), т. е. изготовленные. В первом случае они собирались, и основным производственным занятием крестьянской семьи являлось собирательство. Во втором случае они изготавливались, и основным производственным процессом являлось производство кизяка.

Широкому применению отходов скотоводства в системе отопления сибирских крестьян способствовали природно-климатические особенности, обусловившие традиции скотоводства. Особенность скотоводства русских крестьян Западной Сибири состояла в длительном стойловом содержании скота. Если на юге Западной Европы (Италия) длительность стойлового содержания скота не превышала двух зимних месяцев, на севере (Германия) – четыре месяца, то в Сибири оно доходило до семи и более месяцев. Поэтому для традиционного хозяйства русского сельского населения Сибири было характерно скопление большого объема навоза, перемешанного с объемьями (остатки сена – жесткие стебли) и соломой.

В рассматриваемые 1930–40-е гг. кизяк для отдельной крестьянской семьи изготавливается из навоза, скопившегося за зиму в стайках личного подворья, а также из навоза в колхозных или совхозных скотных дворах. В колхозах и в коровниках, и в кошарах (в годы войны лошадей почти не было, они были мобилизованы на фронт) за зиму слой навоза на полу, по воспоминаниям респондентов, достигал полуметра и более. Этот утрамбованный пласт после выгона скота на летние выпаса или пастбища делился между колхозниками. Каждой желающей семье выделялась часть в кошаре или коровнике: члены семьи вычищали свою долю и вывозил на свой двор.

Для многих колхозников выделение на общественных фермах участков навоза служило значительным подспорьем в обеспечении жилища топливом. Особенно качественным считался овечий назем. Овцы кормились соломой и сеном. Их отходы легко воспламенялись и жарко горели. Респонденты так и рассказывали: «на колхозных кошарах за зиму накопится навоз. Овцы его утрамбуют, прямо в плотный пласт. Весной нам колхоз выделял участками и мы резали пластины каждый сам и развозили по домам... Весь скотный двор вычистим». Овечий навоз можно было не формировать в кизяки, а сушить пластами и их использовать для топки. Как поясняла М.Е. Харлова, «а чем овечек кормили – тем объемьями топили. А потом начали кизяки рубить. Вот выгоняют овечек, зиму они простоят. А потом мы рубим эту назем... Это мы там на Саватке жили. Мы без топки

не были. Потом таскаем их, и они высохнут и хорошо горят, еще лучше чем кизяки... Вот этим топились» [6].

Но колхозникам доставалось немного, так как основная часть и овечьего, и коровьего навоза отправлялась для изготовления навоза на отопление школ¹, поэтому основным источником навоза для изготовления кизяка для семьи было личное подворье. Но в личном подворье овечьего навоза было немного. Овец в крестьянских дворах в 1930–40-е гг. держали мало, потому что их надо было содержать на сене, в отличие от коровы, которую можно было прокормить соломой. Выбирая между коровой и овцами, крестьяне предпочитали «кормилицу-коровушку» – и молоко, и молочные продукты; и тягловая сила, и транспорт и т. д. Кроме того, на овец был наложен большой налог (овчины). Даже в тех семьях, где овец не держали, приходилось зарабатывать деньги, чтобы купить овчины и сдавать налог.

Полевые исследования показали, что в 1930–1950-х гг. изготовление кизяков и сбор коровьих лепешек распространился в Западной Сибири повсеместно, независимо от природных условий и состава семьи.

Сбор коровьих лепешек представлял собой разновидность семейного собирательства и входил в число обязательных детских трудовых обязанностей. Дети собирали их на путях выгона, прогона или пастьбы скота или в окрестностях села. Свежий помет засыхал от 1 до 4 дней, в зависимости от погоды, и сбор этих высохших «лепех» являлся обязанностью даже очень маленьких детей: «Маленький был. Собирал везде в мешок навоз, и топили... Корова вот у нас была, вот от нее» [8, Андрелева Галина Михайловна, 1940 г.р.]. «С ребятами собирали коровы лепешки, чтобы было чем топиться зимой» [8, Красносельский Алексей Иванович, 1934 г.р.].

Коровы лепешки, или «глызы», собирали и заготавливали для зимы, чтобы топить печь для обогрева и приготовления пищи; летом – только для приготовления пищи. В летнее время коровы лепешки были важнейшим топливом для приготовления пищи как в русской печи, так и на треноге: «Летом топили печи коровыми лепешками и полынём» [8, Адарич Пелагея Петровна, 1927 г.р.]. Тренога использовалась для приготовления пищи в чугуне во дворе крестьянской усадьбы. Но особенно важное значение они приобретали зимой как замена дров при отоплении помещений: «Целое лето возила на тележке коровы лепешки с пастбища – топливо на зиму. Дров не было» [8, Левченко (Сыромолот) Надежда Константиновна,

¹ Школы в обязательном порядке должны были обеспечить сельские администрации топливом. Поэтому респонденты повсеместно рассказывали, что навоз с общественных скотных дворов шел на изготовление кизяка для школ: «В каждом классе были печи. Топили их кизяком, который летом завозили из колхозов, и дровами, заготовленными в небольшом объеме, поэтому их экономили. Пилили и кололи дрова на школьном дворе мы сами» [8, Заярный Илья Дмитриевич, 1929 г.р.]. Существовали также обязательства обеспечить учителей топливом. Например, «у нас тут учителя жили, по две девки, много лет. Им там что-то давали, какие-то дрова с околов». Это было распространенной практикой в сибирской деревне в контексте государственной политики развития образования и ликвидации неграмотности.

1933 г.р.]. В рассказах «детей войны» красной нитью проходит заготовление глыз на долгую зиму: «Зимой топиться было нечем. Так нас мама отправляла собирать коровьи лепешки. Накажет, чтобы за день собрали три мешка. Вот и ходим, и собираем. Потом *на крышу* поднимаем, чтобы зимой было чем протопить печь» [8, Хорошаева (Юрова) Татьяна Михайловна, 1933 г.р.].

Технология заготовки «глыз» сводилась, по рассказам детей, к контролю над тропами, по которым выгоняли коров на выпас или водопой. Важно было заметить место, где это произошло, и не прокараулить, когда они «застынут». Дети старались иметь свои территории, соперничали из-за сбора лепешек. Р.Д. Сычева так описывала свой опыт заготовки коровьих лепешек на зиму: «Теперь стадо пройдет, телята ходят... День, два пройдет [подсохнут]... Пойдешь с мешком, собираешь [лепешки]. Потом она с соломой перележит, становится такая масса мягкая». «Собирали в степи коровьи лепешки» дети для зимы в с. Романово [8, Бескоровайная Полина Алексеевна, 1941 г.р.]. За этим занятием застал своих малолетних детей в Сидоровке приехавший на побывку отец: «Однажды, собирая коровьи лепешки, мы увидели какого-то мужчину. Он позвал нас. Я испугалась и убежала домой, а брат понял, что это наш отец, и помчался к нему. Прибыв домой, я рассказала все маме. Она догадалась, что вернулся отец, и радости не было конца. Но оказалось, что он приехал домой на побывку всего на несколько дней» [8, Сидоренко (Кобозева) Анна Михайловна, 1938 г.р.].

На удаленных пастбищах или выпасах сбором коровьих лепешек занимались подростки, в основном мальчишки 9–12 лет: «Ездили пацаны в поле, привозили, где коров пасут подальше. И отправляли с этой... Высыпает и горит она [глыза] очень здорово, как дрова...» [3].

В отличие от собирательства коровьих лепешек, заготовка кизяка представляла собой производственный процесс семейного коллектива. Как трудовую крестьянскую традицию ее можно включить в культуру жизнеобеспечения, тесно связанную с экологией жилища, здоровьесберегающими ресурсами русского сельского населения в трудных или экстремальных условиях. В годы войны кизяк превратился в главный вид топлива в разных природно-климатических условиях русских Сибири: и в степной, и приборовой, и лесостепной, и в горной зоне; и у разных этнокультурных групп русских – и старожилов, и у переселенцев. Респонденты так и говорят: «Печи топили исключительно кизяком, который формовали из навоза» [8, Гоппе (Лемза) Мария Даниловна, 1935 г.р.]. На его изготовление шли отходы от скота – навоз и солома.

Изготовление кизяков в доколхозный период широко практиковалось в степных селах Алтая. Это подтверждает семейная история Р.Д. Сычевой из села Гуселетово, вытянутого вдоль соснового бора. Она вспоминала, как в Гражданскую войну ее мать девчонкой пряталась в скирде кизяков: «Мама говорит: "Я уже взросленья была". Заходят если белые в дерев-

ню... Раньше топтали навоз и делали кизяки, как дрова [традиция "скирдовать" кизяки]. Она говорит, делают такое [складывают] – сюда дырку сделают... Залезут туда девчонки и как в кучу [в скирде], прятались от белых офицеров. Она сделана так скирдой: сначала сделаешь четыре и один сверху, потом побольше кружок делаешь, а потом она делается типа домика, как пирамида. Вот так и вот. И какую дырку. И примерно сзаду залазили, заходили и находились там». В других семейных историях рассказывали, что кизяки складывали «небольшой копной». Но, так или иначе, их «скирдовали» или «копнили», чтобы сформировать отверстия или пустоты для подсушки кизяка.

Распространение у русских сибиряков традиции изготовления кизяков было обусловлено отстранением крестьян от заготовки или получения лесных дров. Хотя утверждать, что старожилы совсем не знали и не использовали кизяки, будет неправильным, также как и то, что изготовление кизяков старожилами было новацией, сформировавшейся под влиянием переселенцев. Скотоводческое направление хозяйства русских старожилов до массовых крестьянских переселений, изменивших направленность крестьянской экономики на земледельческую, создавало условия для изготовления кизяка. Другое дело, что потребность в нем возрастала особенно в трудные времена, наступившие в XX столетии. В годы войны важнейшим топливом и у переселенцев, и у старожилов стал повсеместно изготавляемый в деревнях кизяк. «Заготавливали кизяк для топки печи» [8, Бескоровайная Полина Алексеевна, 1941 г.р.]. Причем, настолько вошло в практику, что многие женщины, приловчившись варить и, особенно печь хлеб на кизяках, долго не могли привыкнуть к дровам. Вот как говорит об этом представитель семьи старожилов М. В. Баранова: «Я перешла в эту избу уже сорок лет назад. Я не могла печь хлеб дровами, мне надо кизяками. Как же я буду хлеб печь дровами? Да я его сожгу. Но к кизякам все привыкали» [1, с. 86].

Изготовление кизяка отличалось простыми технологиями и было доступно всем: и мужчинам, и женщинам, и детям. Для его изготовления требовался самодельный станок в виде деревянной рамки с ручкой и с внутренними перегородками для выкладывания в полученные ячейки смеси. Выглядели станки в виде рамки и имели разное количество отсеков – три, два или один. Количество определялось их предназначением – для детей – один отсек, для женщин – один или два, для мужчин – два или три. Станки с большим количеством отсеков позволяли ускорить работу по их изготовлению, но были тяжелы для переворачивания. Процесс изготовления выглядел следующим образом: на землю клали широкую доску, ее смачивали. На доску ставился станок. В отсеки накладывали навоз и утаптывали плотно. Затем брали за ручку и со скольжением по доске резко поднимали и, перевернув станок в воздухе, опрокидывали на землю ровной, блестящей поверхностью вверх, а неровной на землю. Станок снимался, а кизяки оставались сохнуть. Для женщин и подростков трех- и

четырехчастные станки были неподъемными. Они управлялись с двуучастными станками. А дети обычно работали станком с одним звеном. Поэтому станки имели разное количество звеньев и легко изготавливались в каждом дворе, но, тем не менее, хранились в сараях и доставались для очередной заготовки кизяков. Как объясняют респонденты, «вот даже один [отсек] был – хоть и семь лет [ребенку], и то делали кизяки» [1, с. 86].

Раиса Дмитриевна Сычева девчонкой участвовала в изготовление кизяка. Она дала развернутую характеристику всего процесса: «Потом были такие станочки, одиночные и двойные. Ага, накладываешь туда, и ногами натаптываешь, лежат на доске, доску водичкой смачиваешь, вот так рядами выкладываешь, выкладываешь. А на второй день ребром ставишь, по два, по три... домиком. Потом вот так ложишь, ложишь, как пирамидка» [4].

Заготовка кизяка являлась частью трудового алгоритма крестьянской семьи. Как говорят старожилы, кизяком занимались все лето, с самой ранней весны и до снегов. На первом этапе необходимо было собрать весь накопившийся зимой навоз в одно место. Обычно чистка стаек велась зимой каждый день. Выгребной навоз выносили на улицу в кучи. Ранней весной вычищали оставшийся навоз в скотных дворах. Рыхлили кучи навоза, сформировавшиеся после длительного стойлового содержания скота и оставляли, чтобы навоз перепрел – как говорят «перегорел». В это время в крестьянском хозяйстве приходило время сельхозработ – начинались вспашка и посев. По его завершению вновь наступала очередь работы с кизяком – самой трудоемкой работы по его изготовлению – навоз надо было перемесить: топтали вручную ногами или с помощью лошадей. Из заготовленной массы с помощью станков делали кирпичи. Их раскладывали по земле на просушку. Затем наступал покос. Пока занимались сенокосом, кизяк «ворощили» – т. е. периодически переворачивали с боку на бок, выставляли на ребра, чтобы его обдувало со всех сторон, обжигало солнцем и он хорошо просох, раскладывали для просушки в «пятки» и другие «пирамидки». Так было до поздней осени, как говорят старожилы, «до первых мух». К его складыванию в скирды приступали после самых объемных сельхозработ – уборки и складирования зерновых. Важно было убрать кизяки под навесы в скирды до затяжных осенних дождей. Поэтому заготовкой кизяка действительно «занимались круглый год» – с апреля и до ноября.

Таким образом, алгоритм изготовления кизяка состоял из четырех этапов – подготовки сырья (апрель-май), изготовление кизяка (июнь), его просушки (июль-сентябрь), формирования скирд для хранения (октябрь).

Процесс изготовления кизяка на первом этапе состоял из формирования массы из кизяка и соломы. Весной завершался стойловый период содержания скота, вычищали стайки и использовали кучи навоза, накопившегося за зиму. В общих чертах этот процесс описан Н.С. Изотовым: «Зимой выбрасываешь из-под коровы, все в кучу. А потом

весной и летом поливают водой с колодца. Он перегорает, делается такой мягкий, а потом его разбрасывают» [3].

Летом наступало теплое время для изготовления и просушки кизяка. Как говорят все респонденты, «С лета заготавливали кизяк» [8, Беседина (Савченко) Анастасия Ивановна, 1930 г.р.]. На втором этапе формовались кирпичи с помощью «станков»: для этого требовался навоз и наличие рядом воды. Если село стояло на реке, то делали это ближе к воде. Для приготовления массы надо было равномерно перемешать навоз, смачивая его. В алтайской деревне было два способа: первый – «вручную», вернее «вножную», второй – с использованием тягловой силы – коров или лошадей. Чаще всего сочетали и тот способ и другой. Лошадей использовали на стадии перемешивания навоза. Для этого разбрасывали навоз ровным слоем и гоняли по нему лошадей, чтобы перемешать состав. При отсутствии лошадей использовали коров и быков. А на завершающем этапе перетоптанную массу выкладывали в станки и топтали ногами. Сам процесс описывают многие, так как сами участвовали в этом: «А потом делали... кизяки из навоза, делали такие, как кирпич, вот такие вот [показывает размеры], они у нас назывались кизяки, кизяк. Были такие станки деревянные. Лошадки... разбрасывали кучу [навоза]... Лошадки месили, воду таскали с речки. Речка у нас протекала, а потом переворачивали, чтобы он мягкий был, не солома, а потом накладывали в этот станок, ногами топтали, поднимаешь ногами: хлоп! И опять накладывали» [5].

Изготовлением кизяка занимались в возникшую между сельхозработами паузу. Как говорили респонденты: «Вот навоз выбрасывали [зимой чистились скотные дворы на улицу] и большими кучами делали [навоз]. Пришла весна, отсеялись в поле – опростались люди добрые. Приходят, эти кучи раскидывают, с речки воду возят, заливают, конями топчут. Таня, Маня, Даша станки берут и идут делать [накладывали навоз в станки, утаптывали]» [1, с. 86]. Взрослые топтали и в обуви, и чаще босиком, также как и дети, которых привлекали к изготовлению кизяков с самого раннего возраста. Эта работа была по силам и женщинам и детям. Но характер работы был тяжелый. У респондентов, бывших «детьми войны», воспоминания об изготовлении кизяка ассоциировались со сбитыми ногами: «И кизяки делали, вот топчешь и топчешь [навоз], вот тебе и кизяк. Вот возишь воду с речки – с Хохлов, начинаешь месить. Вот станок накладаем, навозу вилами и начинаем топтать, аж до крови когда...» [2].

При использовании животных, как описывал Н.С. Изотов, «лошадей гоняют. Они перемесят. А тогда станки такие, по два или по три [отсека], накладывают ребятишки. Топчут ногами, выбрасывают – подсох» – и далее» [3]. «Делали кизяки, а делали их из навоза, топтали лошадьми навоз. Станки брали, в которые укладывали этот навоз, и т.д. делали кизяки – такие кирпичики. Потом их сушили и ими топили» [1, с. 178].

Третий этап просушивания кизячных кирпичей состоял из нескольких операций. После изготовления и изъятия из станков сырье кирпичи рас-

кладывали на земле плашмя, чаще всего во дворе, и они занимали большую площадь просушки: «Большое поле расстилают в станках...» [1, с. 86]. Далее процесс просушивания предусматривал переворачивание подсыхающих кирпичиков. Затем их ставили на одно ребро, затем – на другое. Этот процесс был важен, так как сырой непросушенный кизяк подвергался прению, зимой не только плохо горел, но еще и мог после зимы превратиться по весне в простую кучу назема с перепревшей соломой. Именно поэтому их постоянно в течение июня, июля, августа «переворачивали, потом складывали, большие кучи складывали, потом уже скирды» [1, с. 86], в которых завершался процесс сушки. Вот как рассказчик Н. Изотов описывает разные способы выкладывания кирпича для просушивания: «Вот так вот ребра ставят. Потом пятки – четыре там один наверх. Потом в кучи, потом в эти самые забыл [скирды]. Ну, вот кизяком топили» [3]. В описании М.Т. Дворянкиной содержатся названия фигур, в которые раскладывали кирпичи для просушки: «Наложиши кизяки, сначала они подсохнут, потом ставили на ребро: вот так, так и пошел, получалось как елочка. Потом из этой елочки брали эти кирпичики, как кизяки, и делали пятерики. Вот так два поставим и с этой стороны, с этой, получалось четыре, наверх пятый. Сушили» [5].

И только после просушки наступал четвертый этап – скирдование. Существовали разные приемы выкладывания «кизячных» кирпичей таким образом, чтобы получаемые скирды имели систему просушивания через формируемые пустоты. Есть описания формирования скирд в два приема: сначала в кучи, затем в скирды. Поэтому «занимались кизяком все лето»: «Потом их переворачивали, потом складывали, большие кучи складывали, потом уже скирды. У кого крыша есть, то под крышу. А у кого нет, так на улице и лежали. И топили ими» [1, с. 86]. Описание скирдования дала М.Т. Дворянкина: «Высушим, а потом складывали в кучи. Вот тут здесь, а потом в промежутки сюда ложили. И вот мы были небольшие, мамка скажет ложить, мы ложим-ложим, кучка завалится [смеется]. Мы опять...» [5].

Самостоятельным видом топлива, связанным с личным подворьем и крупным рогатым скотом, были остатки не съеденного коровами сена. В войну в топку шли все дикорастущие травы с толстыми стеблями. Их заготавливали дети традиционным собирательством или сгребали стебли в стойлах коров. При сенокосе попадались и борщевик, и полынь, и стебли камыша и т. д. Коровы с ними неправлялись, ясли вычищались, и «быдвали» шли на топку. В народном словаре они носят меткие названия: «объедья», «объед», «объедки», «объедочки». Пояснение дал один из респондентов: «Печки топили "объедками" от соломы – толстыми стеблями, которые не могли съесть коровы» [8, Гоппе (Лемза) Мария Даниловна, 1935 г.р.]. Объедем называли и несъеденную жесткую часть соломы: «Соломой скотину [кормили]. И вот то, что называлось "объеди", после коровы оставалась вот эта солома» [5]. Их использование для топки

фиксируется по всей территории юга Западной Сибири. «Со двора заносили объедья, что скотина не доела, – все это заносили в дом и топили» [1, с. 178]. Главным признаком «объеди» были толстые стебли. Недаром сами респонденты часто перечисляют в одном ряду «полын» и «объед». «Топились объедочками или полынь готовили… Грубку объедками топили, полынном» [7].

Особенно распространено было отопление «объедьями» в степных зонах. Русские степняки называют главными источниками тепла кизяки и «объеди». «Топили печь кизяком и объедьями от соломы» [8, Агафонова (Будко) Валентина Петровна, 1933 г.р.]. Обычно в повседневной системе отопления кизяки и объедья дифференцировали: кизяки шли на русскую печь, так как для выпечки хлеба, упаривания зерновых блюд и овощей в духовом шкафу требовался хороший и длительный жар. Именно в русской печи готовили пищу, именно на ней спали и отогревались. «Голландку» чаще топили полынью, «объедями», соломой вечером. Недаром к ней применялся термин «подтапливали», т. е. дополнительно топили для того, чтобы изба не остывала за вечер и ночь. М.Т. Дворянкина, описывая порядок топки, подчеркнула, что именно для грубки использовали солому и объедья: «Грубку… объеди после коровы… Мы брали вот эту [несъеденную] солому, родители наши, заносили в комнату, и вот этой соломой-объединой топили вечером грубку на ночь, утром – печку [русскую]. А вечером грубку топили соломою» [5].

Таким образом, система отопления, основанная на скотоводстве, стала базой для поддержания экологии жилища и системы жизнеобеспечения в трудные 1930–1950-е гг. Личное подворье давало и объедья, и глызы. А продолжительная зима и длительное стойловое содержание, с одной стороны, напрягало все физические силы членов семьи для заготовки сена и соломы, для кормления животных, с другой стороны, играло и положительную роль. Накопленный за зиму на подворье навоз являлся основой изготовления топлива. В этом смысле процесс заготовки сырья был безостановочным и представлял собой цепочку: заготовка сена или соломы для коровы – вычищение скотного двора и складирования навоза – изготовление кизяка – заготовка сена или соломы для коровы – вычищение скотного двора и т. д.

Список литературы

1. Алтайская деревня в рассказах ее жителей / под науч. ред. Щегловой Т.К., Дмитриевой Л.М.; под ред. Виганд Л.А. – Барнаул: Алтайский дом печати, 2012. – 448 с.
2. Архив Центра устной истории и этнографии лаборатории исторического краеведения Алтайского государственного педагогического университета (Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ). Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2012 г. Панкрушихинский р-н., с. Зыково. Валуйский Дмитрий Григорьевич, 1929 г.р.
3. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2014 г. Романовский район, п. Майский. Изотов Н. С., 1930 г.р.

4. Архив ЦУиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2014. Романовский район, с. Гуселетово. Сычева Раиса Дмитриевна, 1927 г.р.
5. Архив ЦУиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2014. Романовский район, п. Майский. Дворянкина Мария Тихоновна, 1933 г.р.
6. Архив ЦУиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2015. Краснощековский район, с. Усть-Козлуха. Харлова Мария Евдокимовна, 1936 г.р.
7. Архив ЦУиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2015. Краснощековский район, с. Усть-Козлуха. Харлова Мария Егоровна, 1933 г.р.
8. Сборник воспоминаний граждан Романовского района о событиях Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Ч. 1. Женщина и война. Ч. 2. Дети войны: рукопись // Архивный отдел администрации Романовского района Алтайского края. Ф. Р-67. Оп. 1. Д. 47.

P.M. Нуреев

Упущеный шанс или последний клапан? (косыгинские реформы сквозь призму времени)

В статье рассматривается 40-летний период работы А.Н. Косыгина в составе советского правительства. Анализируется его программа развития товаров широкого потребления. Особое внимание уделено плюсам и минусам косыгинских реформ, их влиянию на повседневную жизнь людей во второй половине 1960-х – второй половине 1970-х гг. Показывается, что удалось и что не удалось сделать в ходе реформ.

The article deals with the 40-year period of Kosygin's work in the Soviet government. His program for the development of consumer goods is being analyzed. Particular attention is paid to the pros and cons of the Kosygin reforms, their impact on the everyday life of people in the second half of the 1960's – the second half of the 1970's. It shows what was and could not be done in the course of the reforms.

Ключевые слова: А.Н. Косыгин как экономист, командная экономика, рыночные реформы при социализме, самоокупаемость, самофинансирование, самоуправление.

Key words: A. Kosygin as an economist, command economy, market reforms under socialism, self-sufficiency, self-financing, self-management.

1. Страницы биографии. Алексей Николаевич Косыгин родился 8 (21) февраля 1904 г. в Санкт-Петербурге. После службы в армии (1919–1921) он учится на Всероссийских продовольственных курсах Наркомпрода и в Петроградском кооперативном техникуме (1921–1924). В 1927 г. А.Н. Косыгин был принят в члены ВКП(б) и уже с 1928 г. является заведующим плановым отделом Сибирского краевого союза потребкооперации. В 1930–1935 гг. он закончил Ленинградский текстильный институт и начал трудовую деятельность, вначале в качестве мастера, начальника смены, а позднее уже директора фабрики. В условиях сталинских репрессий освобождалось много вакансий. В 1938 г. Косыгин уже заведовал промышленно-транспортным отделом Ленинградского обкома ВКП(б), а в